

DOI: 10.31857/S0130386424050163

© 2024 г. Е.А. ОСИПОВ

«ПРОБУЖДЕНИЕ ИСЛАМА». ФРАНЦУЗСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСЛАМСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В ИРАНЕ. НА ОСНОВЕ ДОКУМЕНТОВ АРХИВА МИД ФРАНЦИИ

Осипов Евгений Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: eaossipov@gmail.com

Scopus Author ID: 57213980973; ORCID: 0000-0001-8907-4580

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 20-18-00482.1

Аннотация. Исламская революция в Иране 1978–1979 гг. привела к трансформации всего исламского мира. В статье на основе материалов из архива МИД Франции рассматривается реакция французских дипломатов и экспертов на события в Иране и их последствия, прежде всего в контексте роста значения религиозного фактора. Во Франции отмечали двойственный характер происходивших событий. С одной стороны, действительно, отмечалась «реисламизация» населения в мусульманских странах, во многих из них ислам стал тем цементирующим и стабилизирующим фактором, вокруг которого национальные лидеры выстраивали новую идентичность после обретения независимости. С другой стороны, французские дипломаты подчеркивали, что религиозный фактор не играл самостоятельной роли, а скорее использовался местными лидерами для достижения своих политических целей. Анализ документов показывает, что у французских экспертов присутствовала переоценка степени западного влияния на образованные и имущие слои населения в мусульманских странах и, наоборот, недооценка способности национально ориентированных исламских лидеров и движений к модернизации своих стран и одновременно к отстаиванию ими права на развитие по собственному пути, отвечающему нравам и традициям этих народов. Примечателен и тот факт, что многие выводы, сделанные французскими дипломатами на рубеже 1970–1980-х годов, не соответствуют современным трактовкам французских властей. В частности, вопрос защиты прав женщин и ношения ими религиозной одежды был представлен преимущественно в контексте самоидентификации женщин и проявления ими религиозных чувств, а не ущемления их прав. В справках МИД Франции от 1978–1979 гг. не была представлена проблематика влияния ислама, в том числе в его радикальной форме, в странах Магриба и Ближнего Востока на мусульманскую общину Франции.

Ключевые слова: Иран, Иранская революция 1979, страны Магриба, арабские страны, Ближний Восток, Франция, ислам, религиозный радикализм.

Е.А. Osipov

“The Revival of Islam”: A French View of the Islamic Revolution in Iran

Evgeny Osipov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: eaossipov@gmail.com

Scopus Author ID: 57213980973; ORCID: 0000-0001-8907-4580

The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation grant № 20-18-00482.

Abstract. In this article, the author investigates the responses of French diplomats and experts to the events occurring in Iran during 1978–1979 and their consequences. This analysis is conducted primarily in the context of the rising prominence of religious considerations in international relations. To this end, the author draws on materials from the archives of the French Ministry of Foreign Affairs. In France, the dual nature of these events was acknowledged. Firstly, there was a notable “re-Islamisation” of the populations in Muslim countries. In many of them, Islam became an influential factor in the formation of national identities after independence, serving to unify and stabilise communities. Secondly, French diplomats emphasised that while religion played a part in these developments, it was not the sole driving force. Rather, it was employed by local leaders as a political tool to advance their own agendas. The French experts demonstrated a tendency to overestimate the degree of Western influence on educated and wealthy sections of Muslim populations, while simultaneously underestimating the capacity of nationally oriented Islamic leaders and movements to modernise their respective countries. Furthermore, these experts also underestimated the ability of these leaders and movements to defend their right to development in accordance with their own customs and traditions. It is notable that many of the conclusions drawn by French diplomats at the turn of the 1970s and 1980s do not align with the contemporary interpretations of the French authorities. A review of the French Foreign Ministry notes from 1978 to 1979 revealed no mention of the issue of Islamic influence and its radical form in the Maghreb and the Middle East on the Muslim community in France.

Keywords: Iran, the Iranian Revolution, the Maghreb, Arab countries, the Middle East, France, Islam, religious radicalism.

В современной Франции постоянно обсуждаются темы постепенного распространения ислама, роста религиозного радикализма среди арабской молодежи, появления на карте территорий, «утраченных «Республикой»¹. Вплоть до конца 1970-х годов ни сами французы, ни французские СМИ не рассматривали религию как часть миграционного вопроса. Считалось, что мигранты² приехали во Францию на время, на заработки, о возможном кризисе идентичности тогда почти не говорили³.

Государственные органы также долгое время не уделяли внимания росту численности мусульманской общины во Франции, особенностям жизненного уклада французских мусульман и вопросам иностранного влияния на них. Одним из подтверждений этому служит процесс переговоров между Саудовской Аравией и Францией об открытии в Париже в 1977 г. офиса Всемирной исламской лиги. Документы архива МИД Франции показывают, что этот вопрос воспринимался в Пятой республике прежде всего как составляющая двусторонних отношений между Парижем и Эр-Риядом, тема распространения ислама во Франции, в том числе в радикальном варианте, при этом не принималась в расчет⁴.

Поворотным моментом стала Исламская революция в Иране в 1978–1979 гг. Именно тогда во Франции, как и в целом в Европе, резко возрастает интерес к исламу. В сентябре 1978 г. Департамент Северной Африки и Леванта МИД Франции рассылает циркуляр во французские посольства в мусульманских странах (или в страны со значительным исламским населением) с заданием подготовить аналитические справки о роли ислама в них.

¹ Brenner E. Les territoires perdus de la République. Paris, 2004; Les territoires conquis de l’islamisme / Sous la direction de B. Rougier. Paris, 2020.

² Шмелев Д. В. Мусульманская иммиграция во Франции в XX в.: причины, циклы, проблемы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015636-8-1/> (дата обращения: 14.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840015636-8

³ Осипов Е. А. Франция. 1983–1989. От марша за равенство к делу о мусульманском платке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (дата обращения: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S0002027-8-1

⁴ Осипов Е. А. Открытие офиса Всемирной исламской лиги в Париже в 1977 г. По документам архива МИД Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028700-9-1/> (дата обращения: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840028700-9

Статья основана как раз на этих справках, представляющих значительных интерес и по большей части не введенных до этого в научный оборот.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что французские послы включали в свои отчеты обширные описания общеизвестных основных характеристик ислама, в том числе перечисляются главные направления и различия между течениями ислама, а также краткий пересказ событий из истории исламского мира, что еще раз подтверждает, что в конце 1970-х годов практика работы государственных структур во Франции по исламскому вопросу только формировалась.

В Архиве МИД Франции сегодня хранится несколько аналитических записок о развитии религиозного фактора в мусульманских странах, подготовленных Департаментом Северной Африки и Леванта МИД Франции. В справке от 6 декабря 1978 г. отмечается, что вопрос о прогрессивности или реакционности ислама, бывший ранее в центре дискуссии, теперь не актуален, поскольку главным становится другой аспект: «является ли ислам фактором, способным в одиночку или вместе с другими идеологиями стабилизировать или, наоборот, потрясти фундамент государства или общества, и предложить новые и оригинальные решения актуальных проблем»⁵. Ислам как религия и как образ мысли и жизни «направлен на повторение, соблюдение правил и сохранение социальных структур, а не на их адаптацию или упразднение»⁶, что поднимало вопрос о способности исламских стран и обществ трансформироваться и соответствовать стремительно меняющимся тенденциям современного мира.

Среди факторов, оказывавших наибольшее влияние на исламский мир, французские дипломаты прежде всего выделяли факт образования государств-наций. В процессе деколонизации и обретения народами государственного суверенитета именно ислам стал тем объединяющим фактором, который использовался местными политиками для консолидации сил. При этом особенно отмечалось, что ислам националистами используется, но не выступает как самостоятельная организующая сила, поэтому большая часть местных лидеров в мусульманских странах была «христианского происхождения или, что еще более часто, светскими людьми»⁷. Иными словами, ислам «поставлял структуру и символы, которые использовались властью: он мог служить знаменем для борьбы буржуазии с коммунизмом, или, наоборот, быть союзником коммунизма против тирании или системы, основанной на несправедливости, неравенстве и эксплуатации, когда он объединялся с националистами против колонизаторов»⁸.

В справке от 8 декабря 1978 г. лидеры мусульманских стран делились на три категории в зависимости от проводимой ими религиозной политики. Во-первых, те, кто пытался избежать противоречия между исламом и модернизацией страны, но все же отдавал предпочтение модернизации (например, партия «Баас» или лидеры Алжира после обретения независимости). Во-вторых, те, кто выбирали средний путь (Анвар Садат в Египте или король Иордании Хусейн бин Талал). И, наконец, те страны, которые проводили политику «религиозного интегризма» (Саудовская Аравия, Марокко и, конечно, Ливия во главе с Каддафи)⁹. Отметим, что во всех французских записках и справках, где упоминаются противоречия между традиционным исламом и так называемым модернизмом, под модернизацией понималось проведение реформ на западный манер, что было явно упрощенной трактовкой тех сложных тенденций, которые зарождались в исламском мире.

Авторы справок отмечали, что использование исламского фактора местными властями в качестве средства достижения политических целей приводит к тому, что «ислам не

⁵ Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/379. Note. Le facteur religieux dans la vie politiques des pays musulmans. 6 décembre 1978.

⁶ Ibid. Note de reflexion sur l'islam et le monde moderne. 8 décembre 1978.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

действует, а реагирует»¹⁰, имея в виду, что религиозная политика в мусульманских странах заключалась не в формировании новых смыслов, а скорее в реагировании на происходившие в обществе изменения. Именно поэтому особое внимание начало уделяться ограничению и полному запрету на продажу алкоголя, ношению религиозной одежды женщинами и т.д. Позднее исследователи начали связывать быстрые изменения в обществе с распространением именно радикальных форм ислама. Французский исламовед Хаким Эль Каруи писал: «Исламизм только в 1970–1980-х годах становится массовым движением. Мы считаем, что его популярность – парадоксальный результат чрезвычайно быстрой модернизации арабских обществ, выраженной в изменении положения женщины, снижении рождаемости или в увеличении числа женщин, получающих среднее и высшее образование. Именно в момент, когда произошла быстрая трансформация общества, или когда даже структура семейных связей и отношений между полами была поставлена под вопрос, исламизм стал массовой идеологией»¹¹. Радикальный ислам, согласно этой трактовке, оказался формой консерватизма, дав сторонникам традиционного взгляда на исламское общество простые ответы на вопросы, порождаемые ускоренной модернизацией.

В целом документы по исламскому вопросу, хранящиеся сегодня в архиве МИД Франции, имеют противоречивый характер. С одной стороны, в них подчеркивалось, что исламский фактор скорее используется местными властями, а не определяет развитие этих стран. С другой стороны, в этих же документах отмечалось, что в независимости от того, находились ли у власти там светские лидеры, ориентированные на Запад либералы или выступающие за сближение с СССР социалисты, абсолютно во всех мусульманских странах к концу 1970-х годов ислам считался государственной религией, а тенденция к увеличению его влияния была очевидной и никем не оспаривалась.

Что касается событий в Иране, то французское посольство в Тегеране подготовило несколько обширных справок о причинах революции, ее действующих силах и о роли религиозного фактора. Посол Франции в Иране Рауль Делайе в справке от 18 июня 1979 г. отмечал, что активность оппозиционных шаху движений в Иране заметна давно и далеко не все они имели религиозный характер. Однако для аятоллы Хомейни революционное движение носило именно религиозный, а не политический характер: «Вернувшийся в Иран после 15-летнего изгнания в результате народного восстания, он не допускает мысли, что у всего этого может быть какая-то другая цель, кроме возвращения к исламу»¹².

Про причины успеха Хомейни Делайе пишет следующее: «Аятолла инстинктивно опирается на народные массы, для которых мечети служат убежищем и которые митинговали на протяжении месяцев против сил правопорядка под флагами духовенства. Этот главный актив по-прежнему в руках Хомейни. Как говорят его сторонники, одно его слово вывело бы на улицу миллионы людей, свергнувших власть шаха. Им достаточно сказать, что прежний режим не до конца побежден, что враг подстерегает, что ислам под угрозой. В этой ситуации... марксисты, гошисты всех видов или простые светские республиканцы ничего не смогли бы поделать. Им удается понемногу ослаблять позиции аятоллы, но они знают, что он способен на все, и что среди них нет никого, кто обладал бы достаточным авторитетом, чтобы возглавить сопротивление исламу»¹³.

Основное противоречие Иранской революции, по мнению французских дипломатов, состояло в том, что, с одной стороны, действительно, существовал запрос широких народных слоев на возвращение к традиции ислама и на резкое увеличение роли религии и духовенства в жизни общества. С другой стороны, «Иран, который аятолла хотел вернуть под знамена шиизма, сильно изменился. Природные богатства и рыночная экономика встряхнули страну. Бегство правящей элиты, связанной с прежним режимом, не меняли

¹⁰ Ibidem.

¹¹ Karoui el H. La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris, 2018. P. 15.

¹² Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/379. Télégramme de R. Delayé № 3422/3449. 18 juin 1979.

¹³ Ibidem.

сути ситуации: все более и более многочисленный средний класс включился в современную жизнь. Он не нуждался в советах шаха, чтобы обогащаться или чтобы присоединиться, экономически и морально, к западному миру»¹⁴. В итоге живущий на западный манер средний класс оказался в сложной ситуации. Оппозиция режиму шаха сделала их союзниками религиозных течений, однако при этом именно они составляли внутри революционных сил оппозицию аятолле и выступали против клерикализма.

Посол Франции в Иране Делайе также отмечал, что происходившие в Иране события имели внутренний характер, а иностранцы не играли в них серьезной роли: «Катастрофический уход американцев не привел к приходу русских, испытывающих недоверие к исламскому движению и аятолле... Русские стремятся держаться в стороне от внутренних конфликтов. Они, как и все остальные, озабочены только тем, чтобы спасти то, что можно спасти от находящихся под угрозой рынков и источников поставок. Их неудачное вмешательство в Афганистане, где установленный ими режим столкнулся с религиозным сопротивлением, публично поддерживаемым здесь духовенством, только еще больше парализовало их на иранской сцене. Но они умеют ждать, и у меня такое ощущение, что их посольство здесь, несмотря на явно негативное отношение к нему, советует Москве проявить терпение перед лицом внутренней ситуации в Иране»¹⁵.

В целом в аналитических справках посольства Франции в Тегеране отмечалось, что революционные события в Иране базируются на трех важных аспектах: рождение иранской революционной модели; утверждение новой исламской солидарности; противодействие иностранному влиянию на Иран как с Запада, так и с Востока¹⁶. И в основе этого процесса находился именно ислам и его возвращение в качестве главной составляющей иранской государственности. При этом французы отмечали, что попытка построения революционной модели на основе исламской солидарности обречена на провал, поскольку, несмотря на очень большой интерес в исламском мире к событиям в Иране, Тегеран по-прежнему находился в плохих отношениях со всеми своими соседями, возвращение Ирана к шиитским традициям «не приблизило его к суннитскому миру»¹⁷.

Помимо Ирана, ключевая роль в распространении ислама принадлежала и продолжает принадлежать Саудовской Аравии, на территории которой находятся главные для мусульман святыни и которая обладает финансовыми возможностями для распространения своего влияния. Активное взаимодействие между Парижем и Эр-Риядом по исламскому вопросу началось еще в начале 1970-х годов. После длительных переговоров в 1977 г. в Париже был открыт офис Всемирной исламской лиги. Основную роль в этом сыграл тогдашний посол Франции в Саудовской Аравии Робер Ришар, регулярно и торопивший свое руководство с принятием положительного решения, постоянно подчеркивая близость Лиги к королю Саудовской Аравии и факт открытия ее офисов в других странах.

В ответ на запрос департамента французского МИД о роли ислама в мусульманских странах, Робер Ришар подготовил обширную справку «Традиционализм и модернизм в Саудовской Аравии». Центральное место в ней занимала часть о «ваххабизме» — ведущем течении в исламе саудитов. Ришар отмечал, что ваххабизм представляет собой бескомпромиссное и строгое учение, основанное на идее возвращения к традиционному исламу. Ришар также подчеркивал, что, несмотря на приверженность традиционализму, «ваххабизм» настаивает на рациональности, способной обеспечить потребность в прогрессе, снимая тем самым спор о противоречии между традиционализмом и модернизмом в мусульманских странах¹⁸. Таким образом, справка Ришара создавала довольно позитивный образ радикального ислама в Саудовской Аравии.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid. 375QO/378. Note de R. Delayé. L'Iran entre la référence islamique et les dissensions du monde arabe. 23 mai 1979.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. 375QO/380. Note de R. Richard. Traditionnalisme et modernisme en Arabie Saoudite. 17 octobre 1978.

Также Ришар писал о роли бедуинов в истории королевства. Он отмечал, что, хотя бедуины в конце 1970-х годов составляли всего 15% от населения королевства (за 20 лет до этого – 70%), они по-прежнему играли ключевую роль в стране и являлись основой исламского традиционализма¹⁹. Французский посол подробно останавливался на правах женщин и распространении женской религиозной одежды в Саудовской Аравии: «Сообщество бедуинов является средой преимущественно воинственной, где роль женщины второстепенна... Ее жизнь сконцентрирована на продолжении рода и на замужестве. И даже в вопросе замужества принимающий решение отец обычно не консультируется с девушкой... Представляется, что специфическая природа женщины, ее роль жены, матери и хозяйки, живущей в тени своего мужа и во всем от него зависимой, в большей степени восходит именно к бедуинским представлениям о жизни, чем к исламской концепции как таковой»²⁰. Ришар пишет о том, что общество бедуинов носило эндогамный характер и именно этим посол Франции в Саудовской Аравии объясняет повышенное внимание в королевстве к женской религиозной одежде: по мере развития своих общественных структур бедуины вступали в контакт с кочевниками из других племен и коренными жителями городов с нравами «более или менее развратными», по мере учащения контактов эндогамия оказывалась под угрозой, и обычаи, такие как ношение платка, были установлены, чтобы защитить женщин... и отличить мусульман от язычников»²¹.

Тема религиозной одежды сегодня приобрела во Франции особую остроту. Известная тунисская писательница, борец за равенство женщин и мужчин Эле Бежи в интервью в «Фигаро» 22 августа 2017 г. отмечала, что «мусульманский платок – не акт подчинения, а скорее самоутверждения, ультраиндивидуализма, право индивида быть самим собой, каким бы абсурдным не было его поведение»²². Интересно, что в 1978 г. Ришар фактически говорил о том же. В своей справке от 17 октября 1978 г. он писал: «Положение женщин является для иностранцев самым шокирующим аспектом [жизни] саудовского общества... Зрелище маленьких девочек и молодых девушек в темных платьях и черных платках на выходе из школы или вид женщин, идущих за покупками, огорчает. Не пытайтесь оправдать все это, мы тем не менее должны понимать, что саудовские женщины не ощущают свою судьбу так, как женщины, живущие в монастырях»²³.

Таким образом, анализируя роль ислама в Саудовской Аравии, посол Франции в Эр-Рияде подробно останавливается на самых дискуссионных с европейской точки зрения аспектах вопроса – распространение ислама в радикальной форме и положение женщины в исламском обществе – и в обоих случаях дает происходящим процессам умеренную оценку.

Учитывая тесные связи Франции со странами Магриба, отдельное внимание МИД уделял развитию ислама в Северной Африке, особенно в Алжире, где за 16 лет до этого закончилась кровопролитная франко-алжирская война. Посол в Алжире в справке от 10 октября 1978 г. отмечал определяющую роль ислама в борьбе Алжира за свою независимость от Франции. Как и другие французские дипломаты, он писал о народном, глубинном характере развития религии в стране и, соответственно, о том, что простые алжирские воины были в гораздо большей степени привержены исламу, чем руководители революционного движения в Алжире в 1950–1960-е годы²⁴. В частности, первого президента независимого Алжира Ахмеда бен Беллу обвиняли в том, что он окружил себя атеистами, а его отстранение и приход к власти Хуари Бумедьена в 1965 г. как раз связывали с возвращением к арабо-исламским ценностям.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem.

²² Le Figaro. 22.VIII.2017.

²³ Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/380. Note de R. Richard. Traditionnalisme et modernisme en Arabie Saoudite. 17 octobre 1978.

²⁴ Ibid. Note de Guy de Commynes de Marsilly. Islam algérien: rôle et exploitation. Le 10 octobre 1978.

Посол в Алжире Ги де Коммин де Марсилли также отмечал, что несмотря на общую тенденцию к возвращению исламом своих позиций, Алжир остается одной из самых светских стран региона. Бумедьен дистанцировался от наиболее консервативных, интегристских религиозных течений и даже запретил в 1970 г. известный журнал консервативного толка *Al-Qiyam* («Ценности»). Самые цитируемые и популярные в стране средства массовой информации продолжали выходить на французском языке, представители зажиточных и наиболее образованных слоев населения по-прежнему вели западный образ жизни, не связывая себя религиозными нормами и ограничениями. Простые алжирцы по-прежнему пренебрегали каждодневной молитвой, но принимали участие в больших религиозных праздниках, что являлось для них скорее частью общей культуры, а не религии²⁵.

Однако здесь в 1976 г. именно по религиозным причинам пятница вместо воскресенья стала выходным днем. Как и другие дипломаты, посол в Алжире подтверждает приверженность женщин исламским традициям: «Хотя они осознают, что религия представляет собой препятствие на пути к их эмансипации, алжирские женщины чаще всего исповедуют очень сильную веру, зачастую отягченную суевериями в широких народных кругах»²⁶. В целом подготовленная посольством в Алжире справка свидетельствовала, что там возвращение к исламским традициям происходило медленнее, чем в других мусульманских странах, ориентация алжирской элиты и образованных слоев населения на связи с западными странами по-прежнему была очень заметна, однако давление широких слоев населения все равно способствовало тому, что исламский характер независимого Алжира никем в обществе не оспаривался.

По оценкам французских дипломатов, Тунис, еще недавно был наиболее вестернизированной и светской из всех мусульманских стран²⁷. Все население страны говорило на французской языке, в 1950–1960-е годы был принят ряд законов, направленных на уменьшение роли ислама в стране: эмансипация женщин, запрет полигамии, регламентация разводов, упразднение религиозных праздников в календаре. Однако несмотря на это, посол Франции в Тунисе Филипп Ребейроль отмечал, что во второй половине 1970-х годов число мечетей в стране увеличилось в три раза, заметно возросло и число людей, посещающих места культа и соблюдающих религиозные традиции. Особенное внимание посол обратил на то, что суннизм в Тунисе распространен повсеместно, в стране нет «ни сект, ни религиозных меньшинств, ни оппонентов, против которых можно было бы мобилизовываться», т. е. повышение уровня религиозности происходило не в качестве протеста и не ради достижения каких-то политических целей, а потому что отвечало подлинным народным представлениям о нормах жизни²⁸.

Развитие ислама в Марокко также стало предметом исследования в 1978 г. Согласно марокканской традиции, король считался главой мусульманского сообщества страны, соответственно, ислам являлся государственной религией королевства, любые дебаты на тему светскости в стране были запрещены²⁹. В начале 1970-х годов, в период усиления западного влияния в Марокко, народные массы обвиняли королевскую власть в отходе от религиозных традиций. Последовавшее за этим «восстановление облика монарха как религиозного лидера»³⁰ стало как раз причиной стабилизации ситуации в королевстве.

В целом в дипломатических справках по странам Магриба отмечалось заметное усиление роли ислама, ставшего мобилизующим фактором при формировании независимых национальных государств. Показательны цифры количества паломников в Мекку. В 1977 г. хадж совершили 53 230 алжирцев, тогда как в 1971 г. — всего 3936 человек. Среди марокканцев

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

²⁷ Ibid. 375QO/379. Télégramme de Philippe Rebeyrol № 1274/1282. Influence de l'islam en Tunisie. 3 octobre 1978.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibid. Télégramme № 2283/91. Le facteur religieux dans la vie politique marocain. 5 octobre 1978.

³⁰ Ibidem.

также был заметный рост: 22 674 человека в 1977 г. против 10 640 паломников в 1971 г. Та же тенденция наблюдалась и в Тунисе: 7914 человек в 1977 г. и 4207 паломников в 1971 г.³¹

Французские аналитики связывали рост популярности ислама среди североафриканской молодежи с «утратой иллюзий после обретения независимости»³². Религия стала «убежищем»³³ для молодежи, испытывавшей серьезные жизненные трудности и не уверенной в своем будущем. В отличие от экономической составляющей, которая способствовала скорее развитию кризисных элементов в обществе, ислам содействовал стабилизации ситуации в Северной Африке. Существовала тенденция к росту религиозного радикализма среди арабской молодежи. В связи с этим в основном упоминалась организация «Братья-мусульмане» (запрещена в России), чье влияние, по словам дипломатов, «не стоило недооценивать»³⁴.

Посол Франции в Бахрейне Морис Фужерус в мае 1979 г. отмечал, что в королевстве вслед за событиями в Иране, несмотря на царившие в Бахрейне либерализм и модернизм, также началась дискуссия о необходимости ношения женщинами религиозной одежды. Шиитские группы подняли вопрос о возвращении абайи (традиционная мусульманская женская одежда с рукавами) в школы, поставив в трудное положение министерство образования страны. Оно было вынуждено выбирать между «желанием обеспечить защиту прав женщин и неготовностью нарушить чувства шиитских верующих». Власти Бахрейна в итоге встали на сторону верующих и поддержали ношение абайи в школах. Вслед за французскими дипломатами из других мусульманских стран посол Морис Фужерус также отметил, что в публичном пространстве Бахрейна ношение абайи «больше не воспринимается как ретроградство, но, скорее, как принадлежность к религии»³⁵. Отметим, что с 1 сентября 2023 г. ношение абайи было запрещено во французских школах специальным циркуляром Министерства просвещения Франции. Аргументация министерства при этом строилась как раз на том, что ношение абайи нарушает права женщин.

В целом события Исламской революции в Иране в 1978–1979 гг. стали во Франции отправной точкой роста интереса к изучению роли религиозного фактора в мусульманских странах. Подготовленные осенью 1978 г. в посольствах Франции справки по этой теме носят противоречивый характер. С одной стороны, французские дипломаты отмечали, что в Северной Африке, на Ближнем Востоке происходило подлинное «пробуждение ислама», повсеместно росло число людей, посещавших места культа. Во многих странах ислам стал тем цементирующим и стабилизирующим фактором, вокруг которого национальные лидеры выстраивали новую идентичность после обретения независимости. Во всех мусульманских странах, прошедших путь деколонизации, ислам утвердился в качестве государственной религии и его статус не оспаривался.

С другой стороны, французские дипломаты подчеркивали, что религиозный фактор не играл самостоятельной роли, а скорее использовался местными лидерами для достижения своих политических целей. Последующая история показала, что французы переоценивали степень западного влияния на образованные и имущие слои населения в мусульманских странах и чересчур много внимания уделяли ложному вопросу о противоречии между отстаиванием традиционных исламских ценностей и стремлением к прогрессу. Очевидно, что в представленных сегодня в архиве МИД Франции документах за 1978–1979 гг. присутствовала недооценка способности исламских лидеров и движений к модернизации своих

³¹ Archives du ministère des affaires étrangères. Direction ANMO. Arabie Saoudite. 1973–1982. 55. Ambassade de France en Arabie Saoudite. Note de Robert Richard. № 1199/ANL. 28 novembre 1978.

³² Archives du ministère des affaires étrangères. Afrique du Nord – Levant – Généralités – Proche-Orient. 1973–1979. 375QO/379. Télégramme de Philippe Rebeyrol № 1274/1282. Influence de l’Islam en Tunisie. 3 octobre 1978.

³³ Ibid. Télégramme № 2283/91. Le facteur religieux dans la vie politique marocain. 5 octobre 1978.

³⁴ Ibid. Télégramme de Philippe Rebeyrol № 1274/1282. Influence de l’Islam en Tunisie. 3 octobre 1978.

³⁵ Ibid. 375QO/378. Note de Maurice Fougereuse. Bahrein et la morale islamique. 1 mai 1979.

стран и одновременно к отстаиванию ими права на развитие по своему пути, отвечающему нравам и традициям этих народов.

По большей части подготовленные французскими дипломатами документы носили безоценочный, описательный характер. В частности, постепенное распространение ислама в радикальных формах, особенно среди молодежи, показано как одна из тенденций, которую не стоит недооценивать, но и отдельного внимания ей также не уделено. Вопрос защиты прав женщин и ношения ими религиозной одежды представлен французскими дипломатами в контексте самоидентификации женщин и проявления ими религиозных чувств, что сильно отличается от современной трактовки французских властей. Особенно отметим, что ни в одной из справок МИД Франции от 1978—1979 гг. не представлена проблематика влияния ислама, в том числе в его радикальной форме, в странах Магриба и Ближнего Востока на мусульманскую общину Франции.

Библиография / References

Осипов Е.А. Франция. 1983—1989. От марша за равенство к делу о мусульманском платке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (дата обращения: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S0002027-8-1

Осипов Е.А. Открытие офиса Всемирной исламской лиги в Париже в 1977 г. По документам архива МИД Франции // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028700-9-1/> (дата обращения: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840028700-9

Шмелев Д.В. Мусульманская иммиграция во Франции в XX в.: причины, циклы, проблемы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015636-8-1/> (дата обращения: 14.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840015636-8

Osipov Ye.A. Frantsiya. 1983—1989. Ot marsha za ravenstvo k delu o musul'manskom platke [France. 1983—1989. From the March for Equality to the Case of the Muslim Scarf] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2017. T. 8. Vyp. 9 (63). URL: <https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/> (access date: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S0002027-8-1 (In Russ.)

Osipov Ye.A. Otkrytiye ofisa Vsemirnoy islamskoy ligi v Parizhe v 1977 g. Po dokumentam arkhiva MID Frantsii [The Opening of the Muslim World League Office in Paris in 1977. Based on Materials from the Archives of the French Foreign Ministry] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. T.14. Vyp. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028700-9-1/> (access date: 15.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840028700-9 (In Russ.)

Shmeliev D.V. Musul'manskaya immigratsiya vo Frantsii v XX v.: prichiny, tsikly, problem [Muslim Immigration to France in the 20th Century: Causes, Cycles, Problems] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2021. T.12. Vyp. 5 (103). URL: <https://history.jes.su/s207987840015636-8-1/> (access date: 14.08.2024). DOI: 10.18254/S207987840015636-8 (In Russ.)

Brenner E. Les territoires perdus de la République. Paris, 2004.

Karoui el H. La fabrique de l'islamisme. Institut Montaigne. Rapport. Septembre 2018. Paris, 2018.

Kepel G. Les banlieues de l'islam. Naissance d'une religion en France. Paris, 1987.

Les territoires conquis de l'islamisme / Sous la direction de B. Rougier. Paris, 2020.